

ТОПОЛОГИЧЕСКАЯ ВЕРСИЯ ПОСТЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ПЕРСОНОЛОГИИ: К РАЗУМНЫМ ЛАНДШАФТАМ

В.В. ЧЕКЛЕЦОВ

Какими мы станем? Каким будет окружающий нас Мир? Эти вопросы, может статься, связаны нетривиально, гораздо более прямым образом, чем может показаться. Человеком не рождаются – становятся; среда обитания и условия формирования личности – городские ландшафты, социальное пространство и время – также постоянно эволюционируют. Мы попытались рассмотреть в антропотехнологической и социокультурной коэволюции Человека Разумного инвариант – некую точку конвергентного схождения: когда отдельная Личность становится способной стать полноценной персонализированной социальной средой и строит *буквально* свое тело в виде живого Мира – интерактивного автопоэтического ландшафта для Другого. Таким образом, мы представляем введение в конструирование футурообраза «тех, кто придет нам на смену»: Ландшафтов Разумных – метаформы постчеловеческого тела, саморепрезентации постантропологического субъекта в онтической Игре для Другого. Отталкиваясь от предельно возможного края футурологического горизонта, мы постарались также решить для себя проблему практических действий «здесь и сейчас», не теряя при этом глубины найденных философских посылок. Концепция Разумных Ландшафтов – попытка интегрального подхода к социогуманитарному, экономическому и трансцендентному измерениям техноэволюции Человека.

С развитием конвергирующих (NBIC)¹ технологий понятие Human Enhancement – улучшения природы человека технологическими средствами обретает в последнее время статус чуть ли не общепризнанного проекта. Об этом говорит недавно прошедшая международная конференция Общества Философии Техники (SPT 2009): «Конвергирующие технологии, изменяющие общества», где темы киборгов, компьютерно-мозговых интерфейсов, геной терапии и циркулирующих в теле нанороботов поднимались уже не в плане футурологии, а в качестве реальных проблем прикладной этики. В то же время, среди многих философов науки и техники давно присутствует определенное недовольство чересчур плоским видением будущего, которое исходит от социально активных визионеров трансгуманизма. Действительно, сегодня со всей остротой назрела необходимость создания полноценной альтернативы однобокому физикалистскому подходу к антропотехнологической эволюции. Сциентистский маятник уже качнулся в обратную сторону: европейская государственная программа наноконвергенции, в отличие от североамериканской

ставит акцент на социо-гуманитарных и культурологических аспектах Постчеловеческого тренда². Однако интуитивные порывы «одухотворить» грядущую эпоху «мутантов», «киборгов» и «наносапиенс» так и останутся всего лишь манифестами без глубокой онтологической основы, без понимания, какую же «самость» мы так боимся потерять? Техноугроза ставит перед нами с новой силой старые вопросы о сути «человечности», личном самоопределении, о границах «Я».

«Мы — в мыслях, а не мысли — в нас» — это изречение Пирса справедливо не только для умственной активности; так полагают представители наиболее адекватного, на мой взгляд, постфеноменологического направления в философии техники (Д. Иде, Б. Латур, П.-П. Вербик). Мы — также в наших отношениях с Миром, наших интеракциях с природной и социальной средой. Представление технологии как объекта несправедливо; технологии, скорее, опосредуют взаимодействие субъекта и Мира, «Я» и «не-Я», конструируя особое коммуникативно-деятельностное пространство, которое в свою очередь задает направление нашему жизненному пути³.

Так что же все-таки означает этот весьма труднопереводимый термин Human Enhancement? Какие качества мы предоставляем для улучшения, апгрейда человека в Homo Sapiens 2.0? Начиная со второго вопроса, уместно будет процитировать замечание Лэнгдона Виннера, что в трансгуманистическом дискурсе акцент ставится на улучшениях индивидуальных качеств: «быстрее», «сильнее», «умнее», а качества, подобные способности к любви, сопереживанию, взаимоподдержке практически не упоминаются⁴.

Более или менее общепринято рабочее определение Human Enhancement, смысл которого сводится к тому, что «Расширение Человека» является биомедицинским технологическим вмешательством в функционирование организма с целями, отличными от лечения и предотвращения болезни. Это, понятное дело, очень спорная дефиниция, так как содержит до сих пор проблематичное само по себе понятие «болезнь», что уводит нас в бесконечные споры о норме и патологии. Часто приводится пример генетической селекции эмбрионов: определив, что у эмбриона синдром Дауна, мы не даем ему развиваться, «пропуская к жизни» только эмбрионы с нормальным набором хромосом, из которых по определению вырастут более умные дети. Что это: терапия или «улучшение умственных способностей»? Мы не ставим сейчас перед собой задачу детального разбора нюансов различий «лечения» и «улучшения». Оставим также весьма важный и интересный вопрос о том, когда именно количество и интенсивность изменений антропологии перерастают в новое качество «следующей» версии Человека Разумного (ясно, что Кентавр или Разумное Облако, живущее в вакууме Космоса — не вполне люди). Нас больше интересует:

— так называемый «спектр улучшений»⁵, его пределы, общие закономерности, инварианты;

– взаимоотношения техно-апгрейда (собственно Human Enhancement) и традиционных методик улучшения человека (обучение, религиозные практики, медитация, игра);

– взаимосвязь между техноэволюцией человека и средой его обитания (социальное, городское пространство и время; культурные ландшафты 2.0).

Мало, кто поспорит с тезисом о том, что границы личности, «Я» не совпадают с границами кожи человеческого тела. Гораздо менее тривиально утверждение, что и границы самого тела человека – топос неоднозначный и динамичный. Недавние опыты, проведенные исследовательскими группами в нескольких европейских клиниках (Кардинали Л., 2009) подтверждают известный факт: человеческое сознание склонно воспринимать орудие, как часть тела. Опыты (Никоэлис М., 2009) показывают, что у обезьян, соединенных с искусственным устройством, которым управляет мозг, развивается кинестетическое самоосознание, чувство движения и прикосновения, полностью отделенное от сенсорного входа их биологического тела. Успехи протезов, управляемых мыслью (а сейчас уже и передающих сигналы чувствительности), парализованный человек, гуляющий по виртуальному городу (Пфюртшеллер Г., 2009) – все это заставляет еще раз усомниться в обыденном представлении о *Corpus Humanum*. Следуя за М. Мерло-Понти, А.Ш. Тхостов развивает свою феноменологию тела, показывая, что оно (тело) так же, как и орудия (технологии), не вполне вписывается в субъект-объектное описание Мира, являясь своеобразным посредником: «Неоднозначность местоположения такой границы [тела] может быть продемонстрирована в классическом психологическом феномене зонда (Бор, 1971; Леонтьев А.Н., 1975). Его смысл заключается в том, что человек, использующий для ощупывания объекта зонд, парадоксальным образом локализует свои ощущения не на границе руки и зонда (объективно разделяющей *его* тело и *не его* зонд), а на границе зонда и объекта. Ощущение оказывается смещенным, вынесенным за пределы естественного тела в мир внешних вещей. Зонд, включенный в схему тела и подчиненный движению, воспринимается как его продолжение и не объективируется»⁶. Автор этих строк задает резонный вопрос: роботизированная рука механика – это что – часть механизма, который ремонтирует мастер или же – часть самого механика? То же происходит и с музыкантом: по прошествии времени инструмент встраивается в схему тела, и музыкант начинает уже не надавливать на клавиши, а *играть* непосредственно музыку.

Подобные экстраполяции человеческого тела за пределы наличного вызывают в памяти теоретические конструкторы представления технологий, как экстракорпоральных органов или органопроекции (Э. Капп, о. П. Флоренский и др.): «Орудия *расширяют* область нашей деятельности и нашего чувства тем, что они *продолжают* наше тело»⁷ и снова же прямоком отсылают нас к течениям около-трансгуманистической направленности.

Еще раз отмечу, что и в отечественных академических кругах (особенно среди апологетов *строгих*, или *традиционных* дисциплин) термины «Постчеловек» (Posthuman) и «Трансгуманизм» (Transhumanism) за последнее время несколько дискредитировали себя, как ненаучные. Действительно, при множестве дефиниций, туманный образ Постчеловека находится все еще в области футурологии⁸, да в умах социально активных и зачастую некритичных визионеров продолжения эволюции вида Homo Sapiens технологическими средствами. К указанной выше тематике, поэтому, мы чаще будем применять столь же туманное, но гораздо менее технократичное обозначение: *трансформативная антропология*⁹ с акцентами на исторической реконструкции, поиске инвариантов телесного и психического, социо-гуманитарном и культурологическом аспекте проблемы технэволюции Человека.

Со стороны психологов, тема расширения границ «Я» поднимается в многочисленных культурологических концепциях личности (Л.С. Выготский, М.М. Бахтин, К. Левин, К.-Г. Юнг, Ж. Ньюттен и др.)¹⁰. Эти теории действенны.

Можно только удивляться силе проекции и самоидентификации, которая может захватывать человека, склонного *буквально чувствовать* отождествление с *обладаемыми* им вещами, с *представляемыми* им большими и малыми социальными группами, абстрактными идеями, наконец. За это (в сущности, за свою расширенную идентичность) и убивают, и погибают. Углубляться даже в самый поверхностный разбор разнообразнейших концепций личности, видимо, не имеет смысла; каждый читатель может припомнить какой-нибудь красочный пример «расширения» или «сужения» личностных границ, пластичности «Я». Среди современных отечественных мыслителей стоит отметить Г.Л. Тульчинского с его «Постчеловеческой персонологией»: действительно, можно согласиться с петербургским философом, что границы метафизического тела человека трансцендируются полем *ответственности, свободы, смыслополагания*.

А теперь, приближаясь собственно к идее *разумного ландшафта*, обратимся к проблеме расширенного «Я» со стороны географии, точнее, *метагеографии*: «...не являются ли фикциями, обязанными своим возникновением позднейшей логико-дискурсивной аналитической деятельности, этот человек и это “его” место, взятые порознь? И не *единое* ли (Курсив мой. — В.Ч.) перед нами — то веяние духа, которое вошло в пространство *места сего* и, одухотворив, преобразило его до основания? Пространство позволило войти в себя этому “духовному” и этому “человеческому”, усвоило себе это начало и стало не просто “новым местом”, но тем, что называют *Genius loci*, который можно понимать и как дух, усвоивший себе место сие и обретший тем самым свои корни, свою опору, но ни в коем случае не как олицетворение места»¹¹. В отделе теоретической

географии работает также соратник Г. Хакена профессор Ювал Португали, создатель перспективной концепции SIRN (Синергетические Интер-Репрезентативные Сети). Основная мысль этой концепции в том, что мышление не протекает исключительно внутри черепной коробки: границы мыслительного процесса расширяются, выходя на городской ландшафт и преобразуя его; и наоборот, город постоянно преобразует паттерны (репрезентации) нашего сознания¹². Не думаю, что адепты метагеографии (Замятин Д.Н. и др.) при создании своих образов руководствовались веяниями новейших антропотехнологических постчеловеческих трендов. Быть может, создатели так называемой психогеографии (И. Щеглов, Ги Дебор & соратники) вовсе и не собирались настолько глубоко онтологизировать влияние среды, инженерии ситуаций на личность. И тем интереснее сделать такой мысленный скачок.

Мы уже давно живем в искусственной среде, процессы, артефакты, знаки и символы-феномены которой так или иначе представляют собой продукт активности, в конечном счете, отдельных людей. Зачастую очень трудно отрефлексировать, насколько социальное пространство определяет нашу жизнь. Об этом много, очень много написано, чего стоит, скажем, рассуждение Ю. Лотмана: «Архитектура по своей природе связана и с утопией, и с историей. Эти две образующие человеческой культуры и составляют ее контекст, взятый в наиболее общем плане. В определенном смысле элемент утопии всегда присущ архитектуре, поскольку созданный руками человека мир всегда моделирует его представление об идеальном универсуме»¹³.

Город, его архитектура, коммуникации, семантика поглощает, увлекая нас в свои *игры* — обезличенные и почти всегда обездушенные. Конструирование социальных пространств *определенной, вполне конкретной* местности в Новое Время — в слишком довлеющей степени прерогатива Государства, общества спектакля. Социальные сферы малых групп — клубов, обществ, течений и пр. — некие гибриды доминирующих в умах их представителей паттернов и прямого влияния лидеров (тоталитарных или не очень). Неужели невозможно создание в противовес современным душным мегаполисам и аморфным пригородным «деревням» по-настоящему интересных, разнообразных, *персонализированных* Миров?

В гораздо более интимное пространство впускают друг друга люди, осуществляя то, что мы называем «Дружба», «Любовь». Мужчина (Женщина), рассказывая потенциально близкому человеку истории своей жизни (будь то вымышленные или реальные, относящиеся к себе или нет), и в этом автоповествовании постоянно репрезентирует, конструирует себя в нарративе. Когда Он (Она) вводит Другого в свой Дом, в пространство своих отношений, грез, иллюзий, надежд, в свои воспоминания и планы, этим Он (Она) неизбежно открывает Другому свое Тело, и копуляция, соитие здесь — лишь апогей.

Приняв на мгновение техноэволюционный сценарий, экстраполируя до предела возможности антропотехнологических трансформаций, к чему мы придем? Что, по сути своей, будет представлять собой пресловутый Постчеловек? Какой здесь инвариант, самая соль? *Может быть, метаформа постчеловеческого Тела, как вектор к полионтичности – это максимально персонализированная живая Вселенная для Другого?*

Таким образом, здесь мы сталкиваемся с пропедевтикой очень глубокого парадигмального сдвига: социальное пространство теперь не обезличено, а представляет собой *буквально* тело Другого. *Зажмурив глаза, мы ставим знак равенства Личность=Ландшафт.*

Важно заметить, речь здесь идет не о метафорах, мы постулируем возможность *реальной антропотехнологической репрезентации Личности в интерактивном Ландшафте – социальном пространстве для Другого*. Образ живого Мира – чувствующей и мыслящей среды известен давно и, в основном, из литературы (вспомним, к примеру, что Солярис Лема был живой планетой). Может быть, корни подобного мировосприятия теряются в глубинных пантеистических интуициях. Пантеизм – достаточно широкое понятие, объединяющее внутри себя разные мировоззрения (панентеизм – «Все в Боге»), и уже достаточно давно не воспринимается вульгарно, т.е. лишь как путь к материалистическому мышлению. Здесь еще будет уместно вспомнить отношение к тому, что мы сейчас называем «проблемой Постчеловека» незаслуженно подзабытых тейярдистов¹⁴. Для Тейяра де Шардена эволюция, в том числе эволюция антропологии – механизм развертывания Божьего замысла во вселенной. Точка Омега для него есть Бог, который благодаря силе своего притяжения дает направление и цель прогрессивно эволюционирующему синтезу. Процесс эволюции – естественное приурочивание к сверхприродному порядку, указанному Христом. Когда в ходе эволюции материя-энергия истощит весь свой потенциал к дальнейшему духовному развитию, конвергенция космического природного порядка и порядка сверхприродного приведет к Парусии, «уникальному и наивысочайшему событию, в котором Историческое соединится с Трансцендентным» [«Божественная среда»].

К отношению современных теологов к трансгуманизму мы еще вернемся. И поиск нового прорыва к Вертикали Бытия, может стать, – самое главное в наших экстраполяциях. А пока попытаемся разобраться, почему же для метаформы Постчеловека мы выбрали (с перспективой последующего развития смысла) именно понятие «ландшафт»? «Культура является существенным аспектом ландшафта, а ландшафт – средой, сферой и ценностью культуры. Культура – всегда сопряжение человека и ландшафта; ее трудно представить вне обращенности к ландшафту. Видение культуры подразумевает ландшафт. Видение ландшафта подразумевает культуру. Своеобразие такого взгляда на культуру – назову его

ландшафтная герменевтика культуры — отвечает и особый способ ее проживания. Это не столько эксплицитная концепция, сколько способ жизни, центрированной по бытию в культурном ландшафте... *Культурный ландшафт* — это земное пространство, жизненная среда достаточно большой (самосохраняющейся) группы людей, если это пространство одновременно цельно и дифференцированно, освоено утилитарно, семантически и символически. Различая эти аспекты, будем помнить, что в ландшафте прагматическое неотделимо от смыслового. Отсюда вывод: люди могут жить в ландшафте, не соотносясь с ним как таковым (как могут жить в истории, сего не ощущая)» (Каганский В.Л.).

Может показаться натянутым влечение вопросов сельского хозяйства в концепцию топологической версии постчеловека. Однако же вспомним, что упомянутая выше нано-био-конвергенция (NBIC) через IT, когнитивные технологии захватывает сферы, в том числе и социо-гуманитарные, этику и культуру. Сельское хозяйство по-английски — *Agriculture*, что совершенно справедливо напоминает нам о генезисе культуры из возделывания, *очеловечивания участков земли*. «Принимая во внимание, что сейчас мы растим дерево и делаем из него стол, через 50 лет мы сможем просто растить стол. Так как все большее количество инженеров работают над биологическими системами, наша промышленная инфраструктура может кардинально измениться. 50 лет назад наша промышленность была основана на угле и стали, сейчас — на информации и кремнии. Через 50 лет она может быть основана на живых системах. Это — некое подобие новой сельскохозяйственной эры, только радикально иного рода»¹⁵.

В дискурсе Постчеловека акцент зачастую ставится на улучшении таких качеств, как восприятие, мышление, способность к определенным действиям. Мы же сейчас, в общем смысле, говорили о пространственных характеристиках постантропологического субъекта. Как было отмечено, технологии в прошлом расширяли Личность *вовне*. Встраиваемые чипы-импланты, нанороботы, генная инженерия, биотехнологии, компьютерно-мозговые интерфейсы перенесли границу взаимодействия «техне» и человека внутрь тела. Однако, эта техноволна изменения антропологии откатывается, изменяя биологическую основу человека, назад во внешнюю среду, делая ландшафты все более разумными: сетевые технологии, современные коммуникации, «разумный дом»; наносенсорами, датчиками и микрочипами (RFID) наделяют все что угодно, даже деревья — интерактивные стены, программируемая материя¹⁶, умные вещи — все то, что сейчас обозначается модными выражениями: Ambient intelligence (AmI), Internet of Things (IoT), Smart Environment (SmE) ... Что это, как не пролегомены Разумных Ландшафтов?

Борхес в своей новелле «История Вечности» передает свое смутное впечатление от прогулки по окраинам Буэнос-Айреса. «Эти дома — они точно такие, как те, двадцать лет назад... — и тут

внезапный инсайт посещает великого старца, — эти дома, кирпичи, кладка — не точно такие, ОНИ ТЕ ЖЕ САМЫЕ». Трудноуловимый Эон, момент запечатленной в камне Вечности. Человеческое «Я» оставляет отпечаток, образ в едином культурном, географическом Ландшафте, это поле Игры, с помощью которой мы вызываем к жизни ушедших в гораздо большей степени, чем это представляет себе обыденное сознание, обзывая подобную топологическую реинкарнацию историческими веками. К чему мы клоним? К расширению Человека уже не в пространстве, но во Времени¹⁷.

Действительно, пространство и время неразрывно связаны в континууме. Расширение границ Личности во Времени — это не только банальное увеличение продолжительности жизни. Мы захватываем будущее глубиной и разработанностью футурологического взгляда, ожиданиями, планами. Надеждой¹⁸. Прошлое определяется Памятью.

С развитием сетевых и мультимедийных технологий давнее стремление людей увековечить себя в мемуарах, дневниках обрело новую силу. Это видно из бурного развития интернет-блогов и социальных сетей, из увлечения (иногда доходящего до мании) личными фото- и видеохрониками. Один из основателей американской программы нанобиоконвергенции Чарльз Бэйнбридж поднимает серьезный вопрос о том, возможно ли в принципе воскрешение, восстановление целостной личности по тем информационным следам, которые человек оставил в течение своей жизни¹⁹. Недавно появился сетевой ресурс (LifeNaut.com), где люди общими усилиями детально воссоздают (пока информационно) образы умерших великих личностей. На этом сайте также с помощью специальной программы можно создать говорящий аватар себя любимого и детально картировать свою жизнь. Необходимо заметить, что эти технические и методологические вопросы вкупе с возможностями манипуляции нано- и биоуровнем материи поднимают на новую ступень (и в новом свете) утопические идеи Н.Ф. Федорова о воскрешении всех предков. Этот технологический тренд также перекликается с широко обсуждавшейся во все времена идеей информационного бессмертия человека в гиперпространстве культуры²⁰.

Интересно упомянуть здесь также древнюю технику *запоминания*: Дворцы Памяти. Как известно, еще со времен основателя мнемоники Симонида Кеосского (вероятно, и раньше) люди с феноменальной памятью раскладывают факты, цифры, имена в знакомом, хорошо детализированном, сохраненном в сознании *ландшафте*. Я не думаю, что эффективность такого топологического механизма памяти — случайность.

Невообразимая популярность онлайн-игр, растущее движение ролевых игр в реальных ландшафтах, захлестывающая мир материальных вещей виртуальность симулякров, и, конечно же, головокружительные вселенные Civilization, Spore, World of Warcraft,

Second Life²¹ – что это, если не предвестники перехода на качественно новый уровень конструирования искусственных реальностей?

Игра, по мнению М. Мак'юэна, – тоже коммуникация. Личность может рассматриваться, как Игра в ландшафте культуры. А как насчет тела Постчеловека? Данное еще Хейзингой определение Игры, как ограниченного во времени и пространстве процесса, происходящего по определенным правилам, ничего не стоит отнести к телу постантропологического субъекта. Смысл гадамеровской герменевтики Игры – в некоем воскрешении играющим создателя произведения. Тело, как произведение искусства в виде Мира, в котором Другой может жить, зная, что вселенная теперь для него – не пустая, бессмысленная и холодная среда, а исполненный смысла, семантически многомерный Космос, экстериоризированное сердце, которое не перестало биться со смертью миокарда создателя.

Ландшафтами, кроме культургеографов и всех прочих занимаются еще экологи. Конвергенция понимания Культуры, как загадочного гиперпространства, в котором продолжают в некотором смысле *жить* создатели культурных феноменов с экологией весьма занимательна: «...семиотика, логика, этика, эстетика возникают как системные свойства подобно генетическому коду, половому размножению, разделению экологических ниш. Продолжив аналогию, можно применить экологические критерии биомассы, продуктивности, накопления омертвевшей продукции (мортмассы), разнообразия к метаэкологическим системам... Ведь смысл экологии и метаэкологии один – в противостоянии смерти. При этом экологические системы развиваются в направлении увеличения биомассы, роста разнообразия, сокращения отходов, и с метаэкологическими происходит то же самое»²². Смысл здесь, опять же, – в направлении к полионтичности; ведь известно, как много зла рождается от конкуренции именно болезненно *похожих*. Неповторимый оригинал же – всегда вне конкуренции, он сам создал уникальную *нишу*. В концепции разумных ландшафтов Личность *буквально* создает себя, как теперь уже реально представленную метаэкосистему – социальный хронотоп для Другого.

Еще раз хочу отметить, что качественно иную – несравненно большую актуальность абстрактному футурообразу Разумных Ландшафтов придает реальность вполне конкретных технопроектов²³ – уже упомянутой нами не раз наноконвергенции. Принципиальная междисциплинарность и трансдисциплинарность как самого нанотеха, так и области возможностей наноинструментария в изменении природы человека, созданий «сильного» Искусственно-го Интеллекта и *некой альтернативной биологической Жизни-2* – все это требует глубокого и масштабного философского синтеза современных естественнонаучных и социогуманитарных концепций для адекватного исторического и проективного представления *трансформативной антропологии*.

Специфика синергического NBIC-процесса (нано-, био-, инфо- и когно- Конвергенции) заключается в том, что человечество впервые за всю историю своего развития обретает инструменты для создания альтернативного естественному биологическому развитию техноэволюционного процесса. Это значит, что нанотех (ключевой актор Конвергенции), по сути, как способ манипулирования материей на квантовом уровне в комплексе с другими эмерджентными технологиями дает ключ к появлению искусственной жизни, к изменению живой природы на самом фундаментальном уровне, в том числе и на уровне собственной антропологии. Очень важно понять, что нанотехнонаука – это не просто модное течение, а заявка на качественно новый уровень конструирования реальности. Здесь необходимо заметить, что *вторым* ключевым стратегическим технотрендом западные правительственные организации считают проекты Интернета Вещей, или же, в более общем смысле Smart Environment (Разумной Среды)²⁴.

Стало уже расхожим мнение, что эволюция *тела* Homo Sapiens закончилась, уступив место развитию социумов – культуры и технологий, совершенствование генов сменилось развитием и репликацией социокультурных мемов²⁵, имеющих информационную природу. Переведя NBIC-конвергенцию с языка областей взаимодействия (нано-, био-, инфо-, когнотехнонауки) на язык акторов наномасштаба: атомов, генов, нейронов и битов, мы сталкиваемся с гибридами природы и культуры, по выражению Брюно Латура – квазиобъектами, или «субъект-объектами», которые размывают барьеры между культурой и природой, деятелем и материалом²⁶. Пространство взаимодействия этих квазиобъектов на определенном уровне становится автопоэтическим, перерождаясь в реальность неких *экосистем 2.0*. Именно к этой смутной и пугающей перспективе мы приближаемся с ускорением, развивая такие тренды как Синтетическая Жизнь²⁷, Искусственный Интеллект, Компьютерно-мозговые интерфейсы и НаноАссемблер²⁸. В наших руках определить, каким будет этот новый Мир: дегуманизированным Нечто или полионтичной вселенной живых Разумных Ландшафтов.

Все это, казалось бы, технологические пролегомены; где же тут философия? А начинается она здесь при осмыслении индуцированного вышеуказанными технотрендами переломного момента в сознании современного человека: ширящейся ломки мировоззрения, трансформации социальности, глубочайшего кризиса самоидентичности. Сверхзадачей философии в этой сфере выступает создание достаточно отрефлексированного, полноценного, гармоничного и безопасного футурообраза, который бы выступал аттрактором, вектором напряженности смыслового поля, организующего уже сегодня наши действия. Основанный в 1996 г. фонд Long Now осуществляет многомиллионный проект 10-тысячелетних

часов. Смысл проекта – в повышении связи и ответственности поколений перед Будущим. Наши проекты и ожидания никогда не будут полноценными, если мы не будем заглядывать *максимально* далеко, в экстремально, на грани возможностей далекие области у самого края футурологического горизонта, и одновременно, и это не менее важно, постоянно сверяться с меняющимся, углубляющимся, все более живым Прошлым, снова и снова возвращаясь в настоящий момент, который только таким образом становится Эоном Вечности.

Здесь мы подходим к обещанному рассмотрению непростых отношений между адептами антропотехнологической эволюции Человека и представителями религиозного мировоззрения. Несмотря на отсутствие официальной позиции по проблеме Постчеловека со стороны официальных конфессий, уже можно встретить немало работ, направленных на синтез новейших технологических амбиций Human Enhancement и теологии.

В частности, известный на Западе христианский биоэтик доктор Грегор Волбринг в своей работе «Треугольник из новых технологий, людей с ограниченными возможностями и Всемирного Совета Церквей; Able-изм: предпосылка для трансгуманизма»²⁹ ищет пути примирения позиций иудео-христианских церквей с трансгуманистическими идеями, разыгрывая карту «помощи страждущим инвалидам». В качестве неких пролегомен к Христианскому Трансгуманизму Волбринг также использует концепты Со-Творения и продолжающегося Творения Богом посредством человека. Близкие Волбрингу идеи высказывает Стефен Роберт Гарнер в своей диссертации «Трансгуманизм и Образ Божий»³⁰, используя для примирения религии и современных технологий концепцию «человека, как со-творенного со-творца».

Говоря об архиважности NBIC-конвергенции технологий (нано-, био-, инфо-, когно-) для Улучшения Природы Человека, мы уже упоминали о необходимости включения NBIC-модели в еще более широкий социокультурный контекст – социальный и антропологический. В Старом Свете формируется такой более всеобъемлющий подход, выражающийся в схеме:

Nano-Bio-Info-Cogno-Socio-Anthro-Philo-Geo-Eco-Urbo-Orbo-Macro-Micro-Nano³¹.

Данную концепцию развивает проект WiCC (Widening the Circles of Convergence) – Расширение кругов Конвергенции, совершенно справедливо привлекающий к проблеме NBIC-конвергентных технологий специалистов в области социальных наук, антропологии, философии, геологии, экологии, архитектуры, возобновляемых источников энергии, экономики и пр. Проект уделяет больше внимания социальным, культурологическим, правовым, этическим вопросам конвергентных технологий, провозглашая вместо американского «инджиниринга ума и тела» девиз «инджиниринг *для* ума и тела».

Необходимо заметить, что даже в европейской концепции расширения кругов конвергенции «Nano-Bio-Info-Cogno-Socio-Anthro-Philo-Geo-Eco-Urbo-Orbo-Macro-Micro-Nano» отсутствует компонент «theo-» или «transcendo-». Вертикаль Бытия никто не отменял, и ролью России может оказаться как раз преодоление голого технократизма в постчеловеческом дискурсе, сохранение и представление в новом свете «вечных ценностей», чтобы возможности, которые предоставляет Конвергенция обогащали наш внутренний и внешний Мир, а не сводили существование Духовной Личности к уровню кибернетически-синергетических систем. Идеи Соборности и Всеединства очень живо перекликаются с новейшими «конвергентными» тенденциями.

Переинтерпретируя импульс к *Неовсеединству* (В.И. Моисеев), ниже мы попытаемся показать возможность актуализации того самого заветного синтеза Науки, Религии, Искусства, рационального, этического, эстетического, Истины, Добра и Красоты, как именно на практике проект Разумных Ландшафтов может помочь собрать эти до сих пор во многом «отвлеченные начала»:

– Внимание к средствам познания в неклассической и далее – к самому субъекту познания в постнеклассической науке ведет к так называемой человекомерности (В.С. Степин) научных исследований. Преодоление отчуждения личности от НТР, превращения человека в единицу потребления осуществляется за счет того, что Творец Разумного Ландшафта (субъект Постчеловеческого Мира), с одной стороны, *исначально* поставлен перед задачей рационального постижения Космоса, не ради отвлеченных целей прогресса неких внешних абстракций («экономика», «общество...»), а во имя собственной саморепрезентации, так как он *здесь и сейчас* постигает бесконечность Вселенной, автопоэтически конструируя свое *тело*, эксплицируя еще не выявленные возможности Бытия для Другого. С другой стороны, субъект Постчеловеческого Мира в качестве Путешественника *играет*, погружаясь в Мир Разумного Ландшафта Другого, в его «техне» (в хайдеггеровском смысле), и в этой Игре (допустим, грубо говоря, для начала, выполняя задания предложенного Квеста на Разумной Местности) в качестве побочного продукта рождаются элементы научного-технического знания.

– Не секрет, что расцвет древней Греции во многом был обусловлен культивируемой Периклом системе *агонов*. Городские и полевые Ролевые Игры, фирмы, практикующие все более сложные, экстремальные и концептуализируемые формы тимбилдинга, стимуляции креативности топ-менеджмента, общая *игрализация* масс-медиа, социальных взаимодействий и т.п. – это первые ласточки, неотрефлексированная тенденция к созданию противостоящих необходимости Миров Свободы – онтических Игр. Альтернативой обществу потребления может стать общество креативности, мечты (мы хотим, чтобы оно еще было и обществом Надежды, Веры, Любви). Креативные Игры автопоэзиса Разумных Ландшафтов могут стать краеугольным камнем перехода к

адекватной, онтологически обоснованной версии *постинформационного общества*³². Эволюция видов искусства, «технэ», от наскальной живописи до кинематографа, мультимедийных инсталляций, перформансов, виртуальной реальности подготавливает почву для интегральных, синкретических креативных Игр Разумных интерактивных ландшафтов. Идеалом и прототипом данного вида креативных игр может стать феномен Собора, в котором Искусство соединяется со знанием фундаментальных физических законов Универсума (то о чем писал П. Валери в своем «Введении в систему Леонардо да Винчи») и с движением Духа к Трансцендентному. Обозначим такой специфический ракурс, для различения с классической Соборностью русской православной философии, как Неособорность. Эта неособорность, обладающая свойствами самоорганизации, автопоэзиса, перцептивности, интерактивности и коммуникации может стать основой новейшего ренессанса Искусства в Играх Разумных ландшафтов.

– К переосмыслению христианской Любви: Мужское начало постчеловеческого субъекта («Путешественник») бродит по лабиринтам, садам и тропам Разумного Ландшафта («женское начало» постчеловеческого субъекта) зная, что окружающий его Мир – это *тело-загадка* Другого, *Genius loci* его Жизни, репрезентативная саморазвивающаяся Игра, в форме которой Другой решил пред-ставить себя в Вечности. Понять и принять этот живой Лабиринт можно только посредством Любви Путешественника к приютившему его Разумному Ландшафту, как частице Бога. А взаимная Любовь, конгруэнтность, коэволюция Путешественника и Ландшафта, интерференция на их границах, флуктуации, самозарождающиеся в автопоэтичные вихри рождает нечто *принципиально новое* – Ребенка, в потенциале кроящего в себе возможность полноценной Живой Вселенной.

Не претендуя на единственность концепции форсайт-решения, основную идею которой несколько бессвязно я пытался донести выше, еще раз резюмирую в семи тезисах концепцию *Разумных Ландшафтов* – метаформы одновременно как постчеловеческого тела, так и социального пространства будущих субъектов коммуникации.

1. Граница «Я» неоднозначна и динамична. Это подтверждают, во-первых, данные физиологии восприятия во-вторых, обоснованность многочисленных культурологических концепций личности в психологии. Неоднозначность субъект-объектной границы, самоопределения схемы тела в связи с психологическими феноменами, с представлением технологий, как экстракорпоральных органов, отождествлением с имиджевыми артефактами (мода), в связи с трансформативными антропологическими практиками (тело-без-органов), в связи с процессами социальной идентификации и пр. Все это позволяет говорить о нетривиальности – расширении топологии личности за физические границы тела.

2. В концепции *Разумных Ландшафтов* репрезентация Личности происходит в границах *реального* интерактивного пространства для

Другого. Этим постулируется экстраполяция, вектор развития природы человека, *мета*форма трансформативной антропологии. Эта интерактивная, автопоэтическая среда является также вариантом экосистем 2.0 – предела техноэволюции Искусственной Жизни.

3. Исходя из возможностей NBIC-технологий, конструируемый Личностью в рамках определенной территории *Разумный Ландшафт* может обладать как обширной перцептивной поверхностью (наносенсоры, наноресурсы) с обработкой «чувственных» данных с помощью современных информационных сетей (ГРИД и пр.) и систем ИИ, так и (вследствие эмерджентных свойств наносистем) мощным потенциалом самоорганизации, автопоэзиса и саморазвития.

4. *Разумный Ландшафт* изначально представляется интерактивным и открытым коммуникации с Другим, как пространство креативных Игр, в которых происходит как становление и актуализация нано-, био-, информационных и когнитивных технологий, так и *селекция новых форм социальных отношений* в движении к новому качеству одухотворенных, персонализированных экосистем.

5. Пространство *Разумного Ландшафта* в сопряжении с наноконвергенцией предоставляет Личности сильные возможности семантической нагрузки естественных и вновь созданных компонентов очерченной для репрезентации территории. Это *Genius loci* постантропологического субъекта, как место, усвоившее дух личностно-преломленных феноменов Культуры. Это рефлексивно-активное поле Игры – актуализации знаков, символов, паттернов, мемов, их формы существования в Вечности³³.

6. Новые формы интерсубъективности во взаимоотношениях репрезентированной в форме *Разумного Ландшафта* Личности и Другого порождают и новые формы экономических отношений: с одной стороны изменяется *потребление* – от чистого консьюмеризма к увеличению спроса на артефакты, процессы и услуги в качестве компонентов, модулей строительства собственного постчеловеческого тела; с другой стороны, происходит изменение самого способа производства в сторону полной инвайронментализации, когда в рамках Разумного Ландшафта высокоэффективным сочетанием возобновляемых источников энергии, автопоэзиса самореплицирующихся нано- и биосистем достигается «растворение» производства в Игре, само производство становится более похожим на непрерывное Творение Жизни, органично влетаясь в канву маршрутов саморепрезентирующегося Живого Универсума.

7. Ценностные ориентиры построения *Разумных Ландшафтов* для Другого позволяют моделировать новые формы деятельностного подхода к Вертикали Бытия, трансцендентному измерению существования Личности: во-первых, здесь видится параллель репрезентирующихся субъекта онтических Игр *Разумного Ландшафта* с концептом со-творения Универсума и своего Тела в подобии *Imago Dei*.

Во-вторых, в данном подходе органично возникает максима Всеединства «Истины, Добра и Красоты» – рационального, этического

и эстетического в пред-ставлении своего экстраполированного до *Разумного Ландшафта* Тела, как ответственности пред-ставления социального пространства и времени для Другого.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹NBIC-конвергенция – это положительное, ускоряющее взаимовлияние нано- (N), био- (B), информационных (I) и когнитивных (C) технологий (см., например: *Основополагающие государственные отчеты: Converging Technologies for Improving Human Performance: nanotechnology, biotechnology, information technology and cognitive science* / Ed. by M.C. Roco and W.S. Bainbridge. National Science Foundation. Report, 2002; *Managing nano-bio-info-cogno innovations: converging technologies in society* / Ed. by W.S. Bainbridge and M.C. Roco. National Science Foundation. Report, 2005; *Converging Technologies – Shaping the Future of European Societies* / Ed. by Alfred Nordmann. HLEG. European Commission Research. Report, 2004. По поводу NBIC-конвергенции много уже написано и в отечественной литературе, в частности и в журнале «Философские науки» (2008. № 1. – С. 97 – 117).

²Концепция WiCC (расширения кругов конвергенции) «Nano-Bio-Info-Cogno-Socio-Anthro-Philo-Geo-Eco-Urbo-Orbo-Macro-Micro-Nano» европейской группы CTECS «Экспертов высокого уровня». См.: *Converging Technologies – Shaping the Future of European Societies* / Ed. by Alfred Nordmann. HLEG. European Commission Research. Report, 2004.

³См.: *Ciano A. On the Relation Between Human Beings and Technology: a Piercean Perspective* // SPT2009. University of Twente (Netherlands). – С. 16.

⁴*Est R. van, Klaassen P., Schuijff M. and Smits M. Future man – No future man? Connecting the technological, cultural and political dots of human enhancement.* – Hague: Rathenau Institute, 2008. June 1. – С. 7.

⁵Human Enhancement spectrum – термин междисциплинарной британской группы «Демос», означающий всю гамму возможных антропотехнологических изменений. Логическим концом этого спектра специалисты группы считают перенос (загрузку) сознания в компьютер.

⁶«В экспериментах по сенсорной депривации были получены результаты, которые можно интерпретировать как нарушения топологии субъекта. В особых условиях обедненности или искаженности внешней стимуляции у испытуемых возникали странные ощущения изменения формы и размерности тела, конечностей и пр. (Bexton, 1954). Г. Бекеша продемонстрированы фантомы пространственного “передвижения” ощущения, которое могло локализоваться вне тела. Используя пару специальных вибраторов, раздражавших кончики пальцев или участки бедра, и изменяя интервалы между стимулами, Г. Бекеша показал, что ощущение может локализоваться в пространстве между пальцами или между коленями (Becesy, 1967)» (Тхостов А.Ш. Психология телесности. – М.: Смысл, 2002. – С. 64, 80).

⁷Русский космизм / Сост. С.Г. Семенова, А.Г. Гачева. – М., 1993. – С. 149.

⁸Хотя к данной сфере как никогда применим принцип: «Лучший способ предсказать будущее – создать его». См. например, *Schummer J. From*

Nano-Convergence to NBIC-Convergence: «The best way to predict the future is to create it» // *Deliberating Future Technologies: Identity, Ethics, and Governance of Nanotechnology*. – Heidelberg et al.: Springer, 2008.

⁹См.: *Хоружий С.С.* Проблема постчеловека, или трансформативная антропология глазами синергийной антропологии // *Философские науки*. 2008. № 2. – С. 10 – 31.

¹⁰Концепция *экзистенциального пространства субъекта* со своей стороны приходит к понятию топологической персонологии. Литература дает нам многочисленные примеры попыток лингвистическими и художественными средствами очертить это внутреннее пространство. Так, известные метафоры «душа не на месте», «выйти из себя», «места себе не находить», «уголок души», «тайники души», «дно души» и др. косвенно свидетельствуют о том, что людям свойственно переживать свою аутичность в пределах некоторых пространственных и временных характеристик...

¹¹*Топоров В.Н.* Эней – человек судьбы. К «средиземноморской персонологии». Ч. I. – М.: Радикс, 1993. – С. 43 – 44.

¹²См.: *Portugali J.* The Seven Basic Propositions of SIRN (Synergetic Inter-Representation Networks) // *Nonlinear Phenomena in Complex Systems*, 2002. – С. 428 – 444.

¹³*Лотман Ю.* Семиосфера. – СПб.: Искусство – СПб., 2000. – С. 681.

¹⁴В заключительной части («Завершающий этап Земли») главной работы «Феномен человека» выдающегося мыслителя, французского ученого-палеонтолога, философа и теолога Пьера Тейяра де Шардена читаем: «Мы, безусловно, до сих пор толкали нашу расу на авантюру и недостаточно думали о проблеме, какими медицинскими и моральными факторами *нужно заменить грубые силы естественного отбора*, если мы их устраним. В ближайшие столетия необходимо основать и развить сообразно нашим личностным качествам благородную человеческую форму евгенизма». Идеи де Шардена в настоящее время развивает движение неотейярдистов (см., напр.: Duane Elgin www.awakeningearth.org).

¹⁵Down on the farm. The Impact of Nano-Scale Technologies on Food and Agriculture // ETC Group. Ottawa, 2004. – С. 36.

¹⁶См.: Claytronics Project. Collaborative Research in Programmable Matter Directed by Carnegie Mellon and Intel. <http://www.cs.cmu.edu/>.

¹⁷Это отличается как от субъективного бессмертия трансгуманистов, так и от упрощенного понимания вопроса, когда говорят «его дело живо», про память потомков и т.п.

¹⁸Вспомнить Блоха (см.: *Bloch E.* The Principle of Hope. MIT Press, 1986).

¹⁹Это важно еще для одного сомнительного вида трансгуманистического «бессмертия» – цифровой жизни в компьютере. Сеттлеретика – наука об оцифровке сознания и загрузке его в компьютер.

²⁰Приведем примеры сюжетов из современной литературы: К Крису Кельвину, герою романа Станислава Лема «Солярис», психологу, прибывшему разобраться со странными событиями на планетарной станции, приходит его умершая жена Хари. Причем Разумный Океан восстанавливает ее «модель» реалистичной вплоть до молекул по *всем* (предварительно от-

сканированным) воспоминаниям о ней Кельвина. Тут встает серьезный вопрос об идентичности модели и оригинала и о тождественности-ценности в Любви Другого самого по себе или через взаимодействие (здесь – по воспоминаниям). В романе Кристофера Приста «Лотерея» герой озадачен целью выразить *всего себя* на бумаге: не просто изложить последовательность жизненных событий, а именно отобразить суть, выбор его волей только своего, неповторимо личного ядра, которое может выражаться, как ни странно, даже в искажениях реально происходивших событий и никогда не происходивших фантазиях. Именно это полуфантастическое, аллегорическое видение реальности и своей самости герой выбирает в качестве «матрицы» для своего сознания после медицинского стирания памяти (это необходимое технологическое условие выигранной в Лотерею вечной жизни).

²¹См. также: *Носов Н.А.* Манифест виртуалистики // Тр. лаборатории виртуалистики. Вып. 15. – М.: Путь, 2001. – С. 17.

²²*Красилов В.А.* Метаэкология. – М.: ПИН РАН, 1997. – С. 208.

²³И социальная реальность роста отчуждения от областей науки и духа все большего процента людей в обществе потребления.

²⁴См., например, отчет для ООН: www.itu.int/osg/spu/publications/INTERNETOFTHINGS/; *Cook D.J., Das S.K.* Smart environments: technologies, protocols, and applications. – New Jersey: Wiley-Interscience, 2005.

²⁵Популярное на сегодняшний день понятие Ричарда Докинза из его книги «Эгоистичный ген».

²⁶См.: *Latour B.* We have never been modern. – Cambridge (Mass): Harvard University Press, 1993.

²⁷См. достижения лаборатории искусственной жизни Крега Вентера. <http://www.jcvi.org>.

²⁸Самовоспроизводящийся нанорепликатор «Машина Созидания» Эрика Дрекслера.

²⁹*Wolbring G.* The triangle of new and emerging technologies, disabled people and the World Council of Churches; Able-ism: A prerequisite for Transhumanism, 2007. <http://www.bioethicsanddisability.org/>.

³⁰*Garner S.R.* Transhumanism and the *imago Dei*. Narratives of apprehension and hope. A thesis submitted in fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy in Theology. The University of Auckland, 2006.

³¹Converging Technologies – Shaping the Future of European Societies /Ed. by *Alfred Nordmann*. HLEG. European Commission Research. Report, 2004.

³²См., например: *Йенсен Р.* Общество мечты. Как грядущий сдвиг от информации к воображению преобразит ваш бизнес. – СПб.: Стокгольмская школа экономики, 2002.

³³Нам необходима, как воздух, адекватная времени версия Касталии (см.: *Гессе Г.* Игра в бисер. Опыт жизнеописания магистра игры Йозефа Кнехта с приложением оставшихся от него сочинений. – М.: АСТ, 1999).

Аннотация

Концепция Разумных Ландшафтов – попытка интегрального синергического подхода к социокультурному, трансцендентному и экономическому измерениям постчеловеческой персонологии. Разумный Ландшафт – это метаформа Постчеловеческого Тела: экстраполяция Топологии Личности до интерактивной аутопоэтической среды для Другого *на реальной местности*. Таким образом, Разумный Ландшафт – это топологическая саморепрезентация и само-актуализация Постчеловеческого Субъекта, где он конструирует свое Тело, как социальное пространство для другой постантропологической Личности.

Ключевые слова:

постчеловек, конвергентные технологии, разумная среда, футурология, постинформационное общество, антропотехнологическая эволюция, эмерджентные технологии.

Summary

Integral synergy approach to the socio-cultural, transcendent and economic dimensions of the posthuman personology can be provided by new Smart Landscape concept. Smart Landscape is a Posthuman Body meta-form: extrapolation of Person Topology to a *real* interactive autopoetic Environment Space for Other. So Smart Landscape is Posthuman Being topological self-representation and self-actualization, where he constructs his Body as a social space to another postanthropological Person.

Keywords:

posthuman, converging technologies, smart environment, futurology, postinformation society, anthropotechnological evolution, emerging technologies.